

УДК 347.155.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.09

В. Г. Баукин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, baukinvg@mail.ru

В. В. Кудряшова

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Хабаровск, Российская Федерация, lera_patrakova@mail.ru

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ» И «ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ»

Аннотация. Институт представительства широко применим в различных отраслях права, однако имеет частноправовую природу и потому исследуется методами гражданского права. В статье анализируются значения терминов «представитель», «законный представитель», «договорный представитель» с точки зрения их соотношения и содержания, придаваемого им законодателем.

Целью исследования является установление действительного значения термина «представитель» в текстах правовых норм и определение границ участия законных и договорных представителей при совершении сделок. Исходя из цели, поставлены следующие задачи: исследовать виды сделок в зависимости от возможности совершения их через представителя; определить основания участия законных представителей в защите прав и интересов лиц; на основе расширительного толкования правовых норм подтвердить, что законодатель под термином «представитель» понимает как законного, так и договорного представителя; проанализировать возможность передоверия полномочий законного представителя; обосновать необходимость внесения изменений в законодательство, судебную практику и доктрину представительства.

По результатам проведенного исследования авторами предложены конкретные правовые нормы, подлежащие внесению в гражданское законодательство с целью устранения двоякого толкования исследуемого термина, сформулированы рекомендации по обеспечению единообразия судебной практики (что может быть достигнуто путем дополнения постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации), а также предложен авторский доктринальный подход к толкованию термина «представитель» в нормативных правовых актах.

Ключевые слова: гражданское право; гражданское законодательство; субъект правоотношения; представительство; представитель; опека и попечительство; полномочие; передоверие.

UDC 347.155.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.09

V. G. Baukin

Northwestern branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
baukinvg@mail.ru

V. V. Kudryashova

Far Eastern Branch of Russian State University of Justice,
Khabarovsk, Russian Federation,
lera_patrakova@mail.ru

ON THE TERMINOLOGICAL CORRELATION OF THE CONCEPTS “REPRESENTATIVE” AND “LEGAL REPRESENTATIVE”

Abstract. The institution of representation is widely applicable in various branches of law, however, it has a private law nature and is therefore studied by the methods of civil law. The article analyzes the meanings of the terms “representative”, “legal representative”, “contractual representative” from the point of view of their correlation and content given to them by the legislator.

The purpose of the study is to establish the actual meaning of the term “representative” in the texts of legal norms and to determine the boundaries of participation of legal and contractual representatives in transactions. Based on the goal, the following tasks were set: to explore the types of transactions depending on the possibility of making them through a representative; to determine the grounds for the participation of legal representatives in the protection of the rights and interests of persons; on the basis of a broad interpretation of legal norms, to confirm that the legislator understands the term “representative” as both a legal and contractual representative; to analyze the possibility of transferring the powers of a legal representative; to justify the need to amend the legislation, judicial practice and the doctrine of representation.

Based on the results of the study, the authors proposed specific legal norms to be introduced into civil law in order to eliminate the ambiguous interpretation of the term under study, formulated recommendations to ensure the uniformity of judicial practice (which can be

achieved by supplementing the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation), and also proposed the author's doctrinal approach to the interpretation of the term "representative" in regulatory legal acts.

Keywords: civil law; civil law; subject of legal relationship; representation; representative; custody and guardianship; authority; retrust.

Введение

Количество свершаемых сделок с каждым годом увеличивается, как увеличивается и их разнообразие. Возможность для лица совершить сделку не только лично, но и через третье лицо является неотъемлемой частью современного гражданского оборота. Представительство может быть инициировано волей самого потенциального представляемого, а может быть «навязано» законом как единственно возможный способ совершения сделок и представления своих интересов. В некоторых случаях закон требует исключительно личного присутствия лица при совершении сделок. Вместе с тем из содержания правовых норм не всегда можно однозначно уяснить, какой вид представительства допускает законодатель в конкретном случае. В связи с чем актуальным становится лингвистический анализ соотношения терминов «законный представитель» и «договорный представитель» в российских нормативных правовых актах.

Степень научной разработанности темы

Институт представительства был известен еще римским юристам, при этом по аналогии с современным регулированием римские юристы выделяли обязательное и добровольное представительство.

В России нормы о представительстве содержались в Своде законов Российской империи (т. X, ч. 1), в дальнейшем нормы о представительстве получили развитие в положениях Гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 годов.

В настоящее время наиболее активно обсуждаемыми в научной среде являются следующие вопросы, связанные с представительством: правовая природа представительства [8], процессуальное представительство [9; 12], отдельные виды представительства (коммерческое представительство [5], представительство в трудовых правоотношениях [10] и т. д.).

Методы

В статье методом экстраполяции выводы относительно правового статуса опекунов малолетних и недееспособных граждан распространены на всех законных представителей. Лингвистический метод использован для толкования

используемой законодателем терминологии. Разработка проектов правовых норм, подлежащих внесению в законодательство, и оценка их влияния на правоотношения осуществлены с использованием метода моделирования.

Основная часть

Институт представительства в российском гражданском праве является гарантией права лиц на совершение сделок даже в случаях, когда в силу каких-либо факторов (выезд за пределы места совершения сделки, болезнь, возраст и т. д.) они не могут совершать их самостоятельно. Представитель в гражданском обороте является своего рода юридическим «дублером» и действует от имени стороны сделки и в ее интересах.

Учитывая такую правовую природу, гражданское законодательство достаточно четко регламентирует основания возникновения отношений представительства. Полномочия представителей могут быть основаны на указании закона, акте органа публичной власти или на доверенности (статья 182 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ)). ГК РФ выделяет два вида представительства: законное и договорное. Такие виды представительства не являются уникальными в мире, похожие существуют в том или ином виде в большинстве развитых стран.

Интересно отметить, что в основном положения законодательства о представительстве посвящены вопросам осуществления договорного представительства, в то время как отдельные положения в реализации законным представителем своих полномочий остаются неразрешенными и на практике вызывают существенные проблемы. Анализ статьи 182 ГК РФ в целом свидетельствует о том, что законодатель стремился уравнивать договорных и законных представителей в их статусе, однако ряд последующих правил несколько корректирует правовой статус договорного представителя, что выделяется из общей концепции статуса представителя. Такая оценка позволяет различать правосубъектность законного и договорного представителей. Различие может проявляться при установлении объема полномочий, при передаче полномочий представителя и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий представителя.

Отдельные нормативные правовые акты предусматривают возможность совершения сделок только через законного представителя. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» запрещает привлечение несовершеннолетних обучающихся к труду без согласия их законных представителей. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» устанавливает запрет на публикацию сведений о частной жизни граждан без их согласия (согласия их законных представителей).

Сопоставительный анализ изложенного позволяет сформулировать базовые терминологические допущения. Термин «представитель» законодатель

относит и к законным, и к договорным представителям. То есть при толковании положений нормативных правовых актов, содержащих термин «представитель» необходимо использовать прием расширительного толкования. Однако в отдельных случаях законодатель допускает совершение сделок только через законного, но не договорного представителя.

Российскому законодательству (пункт 4 статьи 182 ГК РФ) известны сделки, которые могут быть совершены только лично (завещание, трудоустройство, заключение брака и др.), что автоматически подразумевает невозможность для недееспособных и малолетних граждан их заключать. Критерии таких личных сделок сформулированы только на уровне судебной практики. В частности, Московский городской суд определил критерии таких личных сделок: обусловлена личностью гражданина; требует его личного участия (апелляционное определение от 24.09.2013 по делу № 11-31050/2013).

Следовательно, оценивая личную природу правоотношения, стоит говорить о трех видах сделок. Сделки, которые могут быть совершены только лично (в силу указания закона или содержания); которые могут быть совершены лично или через законного представителя; которые могут быть совершены через представителя (подразумевая как законных, так и договорных представителей). Кроме того, в качестве предварительного вывода (гипотезы) предлагается утверждение об отсутствии у законного представителя права на заключение сделок по передоверию своих полномочий.

Основанием полномочий законного представителя, как уже говорилось выше, может быть акт уполномоченного органа или закон. К числу таких представителей физических лиц, следовательно, могут быть отнесены родители, опекуны или попечители (пункт 1 статьи 26, пункт 1 статьи 28, статьи 32, 33 ГК РФ), некоторые организации, осуществляющие образовательную деятельность, деятельность по оказанию социальных услуг (если недееспособные или не полностью дееспособные граждане помещены в них под надзор), а организации, осуществляющие медицинскую деятельность в отношении недееспособных пациентов, не имеющих иного представителя (статья 39 Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»).

Издатель в отношении автора, опубликовавшего произведение анонимно или под псевдонимом (статья 1265 ГК РФ [3]), предполагается лицом, осуществляющим представительские функции. Законодательство не требует в этом случае выдачи доверенности или какой-либо специальной формализации договорных отношений. Согласно пункту 2 статьи 1265 ГК РФ издатель утрачивает свои полномочия, если автор произведения раскроет свою личность и заявит о своем авторстве. Следует признать, что указанное правило содержит потенциальную опасность конфликта интересов издателя и автора (правопреемников автора). И эта опасность не всегда устранима за счет оговорки издательского лицензионного договора. Выход может быть найден за счет применения аналогии правил статьи 189 ГК РФ.

Законным представителем грузовладельца является капитан морского судна в отношении сделок, необходимых в связи с нуждами судна, груза или плавания, а также исков, касающихся вверенного капитану судна имущества (статья 71 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [6] (далее — КТМ)). Основная цель таких установлений тесно связана с тем, что морская (речная в меньшей степени) практика обнаруживает исключительную зависимость от природных и техногенных случайностей и опасностей. Выдача коносамента и ограниченное право перевозчика по распоряжению грузом не дает гарантию устранения всех возможных неожиданных обстоятельств. Представительство обеспечивает оперативное противодействие или устранение последствий в кризисных ситуациях.

Консульские учреждения в отношении отсутствующих граждан или граждан, по иной причине не способных осуществить защиту своих интересов на территории иностранного государства (пункт 8 Положения о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 05 ноября 1998 года № 1330), осуществляют представительские полномочия в силу закона.

Существуют ли особенности при установлении объема полномочий, при передаче полномочий и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий законного представителя? Полагаем, что ответ на этот вопрос возможен методом экстраполяции: анализ правового статуса опекунов малолетних и недееспособных граждан позволит распространить сделанные в отношении них теоретические и практические выводы на всех перечисленных законных представителей.

По общему правилу, установленному пунктом 1 статьи 28 ГК РФ, малолетние могут совершать сделки только через своих родителей (усыновителей, опекунов). От имени недееспособного гражданина сделки совершает его опекун (пункт 2 статьи 29 ГК РФ). В соответствии со статьями 31, 32 ГК РФ, статьей 15 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [7] (далее — Закон об опеке) опекуны являются законными представителями своих подопечных и могут выступать в защиту их прав и законных интересов без специального полномочия (в том числе без доверенности).

Статьей 35 ГК РФ установлено, что опекуны назначаются органом опеки и попечительства, в обязанности которого вменяется проверка кандидата на соответствие предъявляемым законом требованиям: наличие личного согласия; достижение совершеннолетия; наличие дееспособности; отсутствие судимости за отдельные преступления; отсутствие некоторых заболеваний.

Предъявляемые к опекуну требования позволяют осуществить объективный выбор на основе всесторонней оценки качеств личности кандидата уполномоченным органом. То есть назначение конкретного лица опекуном малолетнего или недееспособного гражданина означает юридическое одобрение лично его кандидатуры уполномоченным органом. В основу одобрения не может быть

положено волеизъявление заинтересованного лица (как в договорном представительстве), поэтому производится анализ соответствия некоему абстрактному идеалу (достоин ли законный представитель доверия *ex aequo et bono*).

Данный вопрос является особенно актуальным при правовой оценке действий организаций, на которых в силу пункта 4 статьи 35 ГК РФ возложены обязанности опекунов или попечителей.

Действительно, ГК РФ предусматривает возможность исполнения функций опекуна или попечителя не конкретным человеком, а некоммерческим юридическим лицом, под надзор которого помещены недееспособные или не полностью дееспособные граждане. Означает ли это, что функции опекуна или попечителя в отношении такого гражданина может выполнять любой работник такой организации? Очевидно, что нет. ГК РФ устанавливает, что в составе органов управления юридического лица существуют лица, которые на основании учредительного документа без доверенности действуют от его имени. Обычно таким лицом является руководитель организации, только он и может непосредственно выполнять полномочия опекуна или попечителя в отношении граждан, помещенных под надзор в возглавляемую им организацию. Исполнение таких полномочий иными работниками организации требует выдачи им доверенности на право совершения таких действий. И когда количество помещенных под надзор граждан достаточно велико, вопрос о возможности выдачи директором доверенности на право осуществления отдельных функций опекуна (например, снятие денежных средств со счетов граждан) становится особенно актуальным.

Отличие назначения законного представителя от наделения полномочиями по договору прямо влияет на объем его правоспособности. Договорный представитель ограничен волеизъявлением представляемого, выход за пределы полномочий в исключительных случаях допускается, но может быть оспорен контрагентом. Представитель в силу закона не имеет четких границ своих действий, мерой его поведения служит представление о добросовестности и разумности. Отсюда следует еще одно важное отличие. Целью действия представителя в силу договора может быть как достижение имущественной выгоды (приобретение имущества), так и охрана имущественных интересов представляемого. Для законного представительства приобретение имущества по общему правилу не является самостоятельной целью и связано с защитой личных или имущественных прав представляемого. Опекун приобретает лекарственные средства не в целях перепродажи, а для лечения подопечного. Капитан судна управомочен распорядиться грузом не тогда, когда рыночная конъюнктура предполагает выгоду грузовладельца, но для защиты имущественных интересов, например путем минимизации потерь при угрозе сохранности груза.

Косвенным подтверждением такого вывода является сопоставительное толкование статей 980, 983, 986 ГК РФ [2]. Статьей 981 ГК РФ прямо устанавливается приоритет действий, направленных на защиту имущественных прав,

перед действиями гестора, которые предполагают получение имущественной выгоды доминусом.

Гражданским законодательством установлены исчерпывающие основания для передоверия своих полномочий: в соответствии со статьей 187 ГК РФ допускается только передоверие полномочий, удостоверенных доверенностью. Вместе с тем отдельными законами установлены нормы, позволяющие передачу полномочий опекуна третьим лицам. Так, например, в статье 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] закреплена специальная норма о возможности передачи своих полномочий по представлению интересов подопечного: законные представители (например, опекуны, попечители) могут поручить ведение дела в суде другому лицу. В определенных случаях допускается перенесение деликтоспособности с родителей на образовательную, медицинскую или иную организацию, осуществляющую временный надзор. Такие частные примеры только подтверждают основное правило гражданского законодательства — передоверие для законного представительства не допускается. Орган опеки и попечительства доверил представление и защиту интересов подопечного непосредственно ему на основании оценки его личных качеств и представленных документов, характеризующих отдельные стороны его жизни. Однако отдельными законами могут быть предусмотрены исключения, которыми допускается передоверие полномочий опекуна.

Согласно статье 73 КТМ РФ на старшего помощника капитана судна могут быть возложены обязанности капитана судна до получения распоряжения судовладельца. В советское и постсоветское время морская практика предполагала использование в сложных районах плавания специальной должности дублера капитана (капитан-дублер в речном флоте). Правопреемство включает автоматический переход представительских функций и допустимо лишь в чрезвычайных обстоятельствах (невозможность капитана судна выполнять свои служебные обязанности, например, в случае смерти, болезни и др.). Легко предположить, что при исполнении представительства юридическим лицом, перемена представителя возможна в порядке универсального правопреемства в случае прекращения деятельности организации-представителя.

Полагаем, что вывод об исключительности передоверия полномочий законного представительства нуждается в нормативном закреплении. В этих целях предлагается:

1) статью 35 ГК РФ дополнить пунктом 5 следующего содержания:

«5. Опекуны и попечители не вправе выдавать доверенности на исполнение их полномочий в отношении подопечных, за исключением случаев, предусмотренных законом»;

2) статью 185 ГК РФ дополнить пунктом 7 следующего содержания:

«7. Не допускается выдача доверенности на совершение сделок, которые по своему характеру или в силу указания закона могут быть совершены только лично или через законного представителя»;

3) статью 15 Закона об опеке дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. Опекуны и попечители исполняют свои полномочия лично за исключением случаев, предусмотренных законом».

Несмотря на кажущуюся справедливость и общеприменимость вывода о расширительном толковании термина «представитель», отдельные правовые нормы свидетельствуют о кардинально противоположном подходе законодателя к его толкованию, что на практике приводит к путанице.

Например, пунктом 2 статьи 857 ГК РФ установлен перечень лиц, имеющих доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну. К ним отнесены: сами клиенты и их представители, бюро кредитных историй. Любые другие лица могут получить доступ к таким сведениям только в силу прямого указания закона. Очевидно, в приведенной норме речь идет как о законном, так и о договорном представителе, вместе с тем такой вывод может быть сделан только на основании расширительного толкования.

В Федеральном законе от 02 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках) закреплен иной перечень лиц, имеющих доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну (часть 4 статьи 26); к ним отнесены суд, органы принудительного исполнения и другие органы и организации. Верховный суд Российской Федерации в Определении от 01.02.2019 № 305-АД18-18535 по делу № А40-199212/2017 указал, что содержащийся в данной норме перечень лиц является закрытым.

В системном толковании данной нормы с положениями пункта 2 статьи 29 ГК РФ можно с большой долей вероятности предположить, что справки по счетам и вкладам недееспособных граждан могут быть выданы опекунам таких граждан. Вместе с тем статья 26 Закона о банках не допускает передачу сведений по счетам и вкладам представителям граждан. Дополнительную путаницу вносят иные положения рассматриваемого закона, которые в других случаях допускают обращение не только самого гражданина, но и его представителя (например, статья 30 Закона о банках).

Из представленного примера видно, что Закону о банках однозначно известен термин «представитель», однако в отдельных статьях законодатель сознательно его не использует. Можем ли мы из этого заключить, что даже недееспособные граждане обязаны получать сведения, составляющие банковскую тайну, только лично? Такое очевидно не представляется возможным в силу имеющегося у них заболевания.

Следовательно, в статье 857 ГК РФ законодатель ограниченно толкует термин «представитель», имея в виду только законного представителя, что в целом не соответствует статье 182 ГК РФ.

Данная путаница затрудняет понимание правовых норм и их реализацию, в связи с чем считаем, что необходимо доктринально прийти к тому, что если в нормативном правовом акте используется термин «представитель», то речь идет и о законном, и о договорном представителе. Но если закон не использует

этот термин, то это не означает, что закон в целом не допускает совершения сделки через законного представителя, а означает лишь то, что возможность совершения сделки через законного представителя в каждом конкретном случае должна быть оценена в совокупности с пунктом 4 статьи 182 ГК РФ. Такой подход в отношении представительства следует закрепить в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Полагаем, что справедливость такого подхода обусловлена природой прав представителей. Договорное представительство возникает из соглашения между доверителем и поверенным, то есть представляет собой осознанную передачу прав, но в некоторых случаях действительно разумно потребовать, чтобы гражданин совершил сделку лично (например, дача согласия на совершение сделки). Абсурдно предполагать выдачу доверенности на дачу согласия за доверителя. Основой полномочий законного представителя является объективная неспособность представляемого осуществлять и защищать свои права и законные интересы. В таких случаях представляемый в силу закона или состояния здоровья лишен возможности совершать сделки самостоятельно и, следовательно, у него нет иной возможности совершать сделки, кроме как через лицо, назначенное уполномоченным органом. То есть законное представительство по своему характеру является вынужденным для представляемого. Логично, что объем прав законного представителя может быть несколько больше, чем у договорного представителя. Следовательно, отождествление законодателем в некоторых случаях законных представителей с самим гражданином оправданно.

Право оспорить разумность и результативность действий договорного представителя является совершенно естественным. В качестве общего правила гражданское законодательство устанавливает обязанность должника возместить ущерб и компенсировать неполученный доход. Коммерческий представитель должен стремиться к заключению сделок на максимально выгодных для своего клиента условиях.

Иной подход при оценке действий законного представителя. Его основная цель не направлена на получение выгоды и тем более коммерческого дохода. Это находит подтверждение, например, в регламентации опеки и попечительства. Защита имущественных прав и интересов является задачей законного представителя, но при наличии у подопечного недвижимости или ценностей они передаются в доверительное управление. Следовательно, ответственность законного представителя должна быть ограничена размером реального ущерба.

Указанное решение представляется естественным и логичным. Тем не менее действующее законодательство допускает известные исключения. Опекун (попечитель) обязан заботиться об имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов (пункт 5 статьи 18 Закона об опеке). Опекунам и попечителям в качестве исключения предоставлено право

заключать особо выгодные договоры о передаче имущества подопечного в пользование, если срок пользования имуществом превышает пять лет (пункт 6 статьи 19 Закон об опеке). Забота о выгоде в действиях законного представителя заставляет допустить исключение из предложенного правила ограниченной ответственности — в случае умышленного или в результате грубой неосторожности представитель не обеспечил получение подопечным очевидной выгоды.

Вынужденный характер законного представительства и его особая цель (значение) проявляются при установлении объема полномочий, при передаче полномочий представителю и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий представителя. Указанные особенности необходимо учитывать при сопоставлении объема полномочий представителей в анализе реальных правовых казусов.

Заключение

Существуют сделки, которые могут быть совершены только лично, и сделки, совершение которых допускается через представителя. И право, и доктрина признают два вида представительства: законное и договорное, устанавливая разные основания их возникновения. Вместе с тем, как доказано в проведенном исследовании, законодатель в некоторых случаях допускает смешение этих видов представительства, в то время как разные основания их возникновения логически должны повлечь установление разного правового статуса представителей. В частности, в работе рассмотрен вопрос о возможности передоверия полномочий законного представителя по аналогии с передоверием полномочий представителя, действующего на основании договора.

Сопоставительный анализ текстов нормативных правовых актов, в которых упоминается возможность совершения юридически значимых действий через представителя, позволил авторам обозначить правовые пробелы и предложить действенные механизмы их преодоления. Выводы, полученные авторами на основе анализа представительства в отношениях опеки и попечительства, могут быть распространены на представительство, возникающее в иных областях.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [в редакции Федерального закона от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ] // Российская газета. 1994. № 238–239.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [в ред. Федер. закона от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ] // Российская газета. 1996. № 23.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [в ред. Федер. закона от 11 июня 2021 г. № 213-ФЗ] // Российская газета. 2006. № 289.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 562-ФЗ [в ред. Федер. закона от 29 июня 2021 г. № 234-ФЗ] // Российская газета. 1994. № 238–239.

5. Гришин А. В., Селютин О. Г. О правовой природе представительства, профессионального коммерческого (торгового) представительства. Прошлое, настоящее и современные тенденции // Закон и право. 2021. № 9. С. 48–49.

6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ [в ред. Федер. закона от 30 декабря 2021 г. № 470-ФЗ] // Российская газета. 1999. № 85–86.

7. Об опеке и попечительстве: Федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ [в ред. Федер. закона от 30 апреля 2021 г. № 114-ФЗ] // Российская газета. 2008. № 94.

8. Гришин А. В., Селютин О. Г. О правовой природе представительства // Закон и право. 2021. № 8. С. 67–68.

9. Карасев А. К. Особенности представительства в гражданском процессе // Вестник науки. 2019. № 5 (14). С. 273–275.

10. Карташова Г. Н. Представительство лиц в возрасте до 14 лет в трудовых отношениях // Право и практика. 2018. № 1. С. 218–223.

11. Попондопуло В. Ф. Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021. 736 с.

12. Сварчевский К. Г., Старцев А. Д. Тенденция развития норм, регулирующих процессуальное и правовое положение представителей в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 октября 2017 г. / под общ. ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2018. С. 432–436.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): from November 30, 1994, No. 51-FZ [as amended by Feder. Law No. 20-FZ of February 25, 2022] // Rossiyskaya Gazeta. 1994. № 238–239.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two): dated January 26, 1996, No. 14-FZ [as amended by Feder. Law No. 456-FZ of December 22, 2020] // Rossiyskaya Gazeta. 1996. № 23.

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006, No. 230-FZ [as amended by Feder. Law No. 213-FZ of June 11, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 289.

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 562-FZ [as amended by Feder. Law No. 234-FZ of June 29, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 1994. № 238–239.

5. Grishin A. V., Selyutina O. G. On the legal nature of representation, professional commercial (trade) representation. Past, present and modern trends // Law and Law. 2021. № 9. P. 48–49.

6. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation: dated April 30, 1999, No. 81-FZ [as amended by Feder. Law No. 470-FZ of December 30, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 1999. № 85–86.

7. About guardianship and guardianship: Feder. Law No. 48-FZ of April 24, 2008 [as amended by Feder. Law of April 30, 2021, No. 114-FZ] // Rossiyskaya Gazeta. 2008. № 94.

8. Grishin A. V., Selyutina O. G. On the legal nature of representation // Law and Law. 2021. № 8. P. 67–68.

9. Karasev A. K. Features of representation in civil proceedings // Bulletin of Science. 2019. № 5 (14). P. 273–275.

10. Kartashova G. N. Representation of persons under the age of 14 in labor relations // Law and practice. 2018. No. 1. Pp. 218–223.

11. Popondopulo V. F. Human activity: legal forms of implementation and public organization. M.: Prospect, 2021. 736 p.

12. Svarchevsky K. G., Startsev A. D. The Development Trend of the Norms Regulating the Procedural and Legal Status of the Representatives in Civil Proceedings // Actual problems of the procedural and legal status of subjects of civil, arbitration and administrative proceedings: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 13, 2017 / Under the general editorship of L. V. Voitovich, V. I. Kainova. St. Petersburg: Petropolis, 2018. P. 432–436.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2023;
одобрена после рецензирования: 20.02.2023;
принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 03.02.2023;
approved after reviewing: 20.02.2023;
accepted for publication: 25.02.2023.